Неотвратимая цифровизация бытия

Итак, свершилось. Банк России запустил обратный отсчет до полномасштабного запуска цифрового рубля. Станет ли 1 июля 2025 года отправной точкой революционных преобразований банковской индустрии или через какое-то время придется признать, что очередная цифровая сущность была умножена без необходимости?

Текст
ДАНИЛ ПОМИНОВ,
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ **«Б.О»**

12 сентября Банк России объявил, что с 1 июля 2025 года планируется запустить широкое использование цифровой национальной валюты. К этому сроку обеспечить возможность проведения операций с цифровым рублем будут обязаны крупнейшие банки, для банков с универсальной лицензией и прочих кредитных организаций установлен срок 1 июля 2026-го до 2027 года соответственно. Регулятор не стал дожидаться форума «Финополис», на котором обычно озвучиваются важные решения, а декларировал сроки и контуры проекта вскоре после старта второго этапа пилотирования цифрового рубля. Этап начался 1 сентября 2024 года, в его ходе предполагается увеличить число участников с 600 до 9000 человек и существенно нарастить количество торгового-сервисных предприятий — с 22 до 1200.

Почему Россия достигла столь значительных успехов в развитии безналичных платежей и в целом финтеха? Уже звучат мнения о принципиальной необходимости существования наличных денег. Точнее говоря, «… к 2030 году может начаться дискуссия» по этому вопросу, сказал заместитель гендиректора по маркетингу и стратегии «Гознака» **Георгий Корнилов** на форуме «Платежный бизнес и денежное обращение — 2024». Он подчеркнул, что сейчас только 10% платежей происходят с помощью наличных, а сокращение их объема делает бумажные деньги и монеты дороже для банковской системы. Любопытно, что в это же время издание Finextra сообщило, что Центробанк Швеции пригрозил санкциями коммерческим банкам, которые стали сворачивать обслуживание наличного оборота.

Вернемся к истории успеха безналичного оборота. На первом этапе, начиная с середины девяностых, потребительским драйвером скорее был кнут: принудительное распространение банковских карт в рамках зарплатных проектов и соцвыплат. Чуть позже, в начале века, начался бум кредитных карт, росла популярность карт для заграничных поездок. В эпоху диджитал-банкинга, стартовавшую в 2007 году с легкой руки **Олега Тинькова** (объявленного в РФ иноагентом), в ход пошли пряничные стимулы: кешбэки и процент на остаток. Регулятор и государство в целом тоже демонстрировали заинтересованность в увеличении безналичного оборота: так, появилось и последовательно ужесточалось законодательное требование о приеме к оплате банковских карт в магазинах. Тем не менее

основными интересантами и двигателями платежного прогресса выступали платежные системы и сами банки.

Баланс сил начал меняться после создания НСПК в 2014 году, с тех пор влияние регулятора на платежный рынок только возрастало. Создание Системы быстрых платежей стало очевидным благом для ретейла, в части переводов — для потребителей, но выглядит это так, что весь цифровой прогресс оказался не в пользу банков.

Выбранная для реализации двухуровневая розничная модель цифрового рубля как будто более предпочтительна для коммерческих банков, чем одноуровневая (по крайней мере, с точки зрения клиентского опыта: взаимодействие с цифровой валютой будет происходить через интерфейсы банка). Хотя баланс и проведение операций будут доступны пользователю одновременно через любой банк — коммодитизация финансовых услуг в действии. Но отток ликвидности, уменьшение продуктовой и финансовой гибкости при работе с цифровым рублем — достаточно тревожные новости для банков.

Что же помимо волеизъявления регулятора может вдохнуть жизнь в национальную цифровую валюту и придать ей импульс? Вероятно, как на заре безналичной эпохи, изначально сработает кнут: некоторые виды выплат будут осуществляться цифровыми рублями, и гражданам волей-неволей придется их освоить. Очевидно, что каких-то карточных «плюшек» клиентам ждать не приходится: цифровой рубль изначально заявлен как расчетный инструмент, не предназначенный даже для депозитов.

Еще один инновационный аспект внедрения CBDC — возможность использовать цифровые дензнаки в смарт-контрактах, «окрашивание» денег и т.п. Пока это скорее концепция, хотя в некоторых кейсах данный потенциал действительно может быть раскрыт: например, для таких набирающих популярность направлений, как исламский банкинг или финуслуги для детей.

Будем откровенны: практически любой прикладной функционал можно внедрить через разные технологические подходы и фреймворки, не обязательно задействуя для этого хайповые технологии типа искусственного интеллекта. В этом смысле будет интересно наблюдать, как поведут себя лидирующие банки, которые не боятся высказывать и реализовывать на практике особое мнение. Уже сейчас консорциум банков во главе со Сбером ведет собственную игру по поводу унифицированного платежного QR-кода и биометрических платежей. Предположу, что и для реализации смарт-контрактов крупные банки предпочтут развивать сервисы на основе собственных блокчейн-разработок и традиционного безналичного оборота (быть может, и разрешенного оборота криптовалют), а не упускать технологическую и коммерческую инициативу, реализуя проекты в контуре цифрового рубля. Б.О

Приглашаем на дискуссию о возможных сценариях развития цифровых валют и будущего платежей на форум FuturePay_24, который пройдет в Москве 8 ноября

